

УДК 347.97/99

ОБЪЕКТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Петербургский А. П.

Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета

Проблематика концептуального осмысления объектов судебного контроля не получила должного развития ни в правовой доктрине, ни в юридической практике. Данный элемент традиционно регламентируется и освещается в отраслевом контексте, применительно к отдельным видам судопроизводства или сферам реализации функции правосудия. Акцентируя внимание в рамках настоящего исследования на институциональной интерпретации последнего, уточнено, что судебный контроль, между тем, реализуется не только в рамках судопроизводства определенной направленности (отраслей права и процесса), но и в досудебных стадиях, и постсудебных процессах и процедурах. С указанных позиций в работе предпринята попытка доктринального истолкования объекта судебного контроля.

Ключевые слова: судебный контроль, объект, предмет, Конституционный Суд Российской Федерации, суды, решение, правоприменительный акт, закон.

Для раскрытия заявленной темы исходим из широкой содержательной интерпретации объекта, как того, «по поводу чего возникает правоотношение: вещи, включая ценные бумаги, иное имущество; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности; нематериальные блага» [26].

С позиций институционализации судебного контроля разноаспектность законодательной регламентации рассматриваемого элемента, явное отсутствие системного подхода в данном процессе вызывает обоснованные сомнения. Для исключения указанных и иных негативных факторов, способствующих нарушению прав и свобод личности в целом, прав и гарантий статуса участников судебного-контрольного производства, в частности, видится перспективной систематизация и унификация правового содержания объектов судебного контроля.

Уточним, что в теории права по данному вопросу не сложилась единой позиции, да и самостоятельным предметом исследования «структура» судебного контроля выступает не часто. Однако можно привести, к примеру, точку зрения М.А. Умаровой, которая контекстно – в рамках исследования механизма такого контроля – указывает: «объектами судебного контроля являются (могут быть), как действия органов власти и управления, так и все принимаемые ими решения нормативно-правового характера» [24, с. 48]. Исходя из проанализированных законодательных положений, такой вывод видится вполне обоснованным. Но, как представляется, перечень объектов судебного контроля не исчерпывается двумя указанными видами и предполагает более широкий их спектр.

Далее обратимся к рассмотрению доктринальных позиций относительно сущности и содержания объектов судебного контроля, с учетом обозначенного выше традиционного подхода.

Наиболее четкий результат в определении перечня объектов судебного контроля получил Конституционный Суд России как единственный официально признанный судебный орган конституционного контроля. Однако перечень указанных объектов

периодически расширяется, что соответствует положениям ч. 8 ст. 125 Конституции Российской Федерации [1] и последовательно находит свое отражения в ст.ст. 3, 72 и др. Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2]. Указанную тенденцию С. А. Татаринов обуславливает действием «специального принципа расширения объектов судебного конституционного контроля», примером чего определяет отнесение к рассматриваемым объектам в том числе «федеральных конституционных законов, постановлений Государственной Думы Российской Федерации об объявлении амнистии, постановлений Правительства Российской Федерации в качестве актов делегированного законодательства» [20, с. 57-61]. Видится обоснованной здесь и позиция Е.В. Тарибо: «В силу доминирования в российской правовой системе позитивистской традиции нормативные правовые акты выступают основной юридической формой конкретизации конституционных прав и свобод и основным объектом контроля с точки зрения реализации и соблюдения предписаний Конституции Российской Федерации, воплощающей доктрину естественных прав» [19, с. 19]. То есть учеными подчеркивается устойчивый статус нормативных правовых актов в качестве объектов судебного конституционного контроля.

Однако такой подход поддерживается не всеми авторами. Так, А.Н. Кокотов, рассматривая содержание и особенности предварительного и последующего судебного конституционного контроля, осуществляемого Конституционным Судом России, отмечает, что «под предварительным контролем обычно понимают проверку соответствия правовых актов Конституции до их вступления в силу. Это могут быть, например, проекты законов или уже принятые законы до их подписания (промульгации), заключенные международные договоры до их ратификации или утверждения в иной форме. Последующий контроль направлен на проверку конституционности наделенных силой правовых актов или утративших силу актов, а также приостановленных актов – в связи с обстоятельствами их действия в прошлом» [13, с. 29-39]. При этом в последующих рассуждениях автор относит принятые палатами российского парламента и пока не подписанные Президентом федеральные конституционные законы и федеральные законы, их проекты, официально не опубликованные законы субъектов Российской Федерации, проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации, поправки к ним, эти же законы, принятые палатами парламента и направленные Президенту для подписания и официального опубликования, уже к предмету (а не объекту) контроля Конституционного Суда России [13, с. 29-39].

В обосновании же позиции ряда иных авторов по аналогичной проблематике (Е.В. Виноградовой, Т.Н. Вязовской, Г.В. Галлиевой, И.Л. Данилевской, Л.А. Евсеевой, Д.В. Змиевского и др.) [17, с. 18-20] посредством контекстного анализа можно выделить, что вышеуказанные «приращения» в компетенции Конституционного Суда России по итогам конституционной реформы 2020 года исследователи все же относят к объектам судебного конституционного контроля. Поддерживает такую позицию, которую можно признать наиболее распространенной, и С.А. Татаринов, прямо обозначающий, к примеру, федеральные конституционные законы в качестве «объектов абстрактного нормоконтроля Конституционного Суда РФ» [21, с. 39-44]. Аналогичный подход автор демонстрирует и при анализе конституционных основ определения (Конституционным Судом России) механизма ис-

полнения актов межгосударственного правозащитного органа и решений иностранного или международного третейского суда при наличии международно-правовых коллизий или противоречия основам публичного правопорядка Российской Федерации [21, с. 39-44]. Нами такая точка зрения поддерживается и ретранслируется на конституционно и законодательно закрепленные объекты контроля, реализуемого Конституционным Судом России. В дополнение следует уточнить, что в отношении международных договоров Российской Федерации, не вступивших в силу, ученые, как правило, единодушны во мнении об их отнесении именно к объектам судебного конституционного контроля [14, с. 137-144; 15, с. 21-26].

В свою очередь Э.Ю. Балаян и С.С. Сычев особо выделяют такой объект судебного конституционного контроля, как исполнение судебных решений высшего органа конституционного правосудия, причем ассоциируют его как с внутренним, так и внешним контролем. «За первую из форм контроля отвечают должностные лица и органы, принимающие и пересматривающие нормативные правовые акты, которые частично или полностью признаются не соответствующими Основному Закону. Внешняя разновидность контроля реализуется Конституционным Судом Российской Федерации через его секретариат, органами юстиции и прокуратуры» [7, с. 31-33]. Здесь объектом контроля уже выступает законодательно обусловленное действие, которое носит обязательный характер. Признавая значимость такого объекта контроля, следует констатировать, что он не отнесен непосредственно к систематизированному перечню, например, в ст.ст. 3, 72 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», а «выводится» авторами контекстно из общих бланкетных положений указанного закона об ответственности за неисполнение решений Суда.

В отличие от исследуемого элемента в рамках системы судебного конституционного контроля, состав объектов контроля, реализуемого судами общей юрисдикции и арбитражными судами, не систематизирован, что, по нашему мнению, есть следствие фрагментарного подхода к этому вопросу со стороны федерального законодателя. Указанный «состав» также имеет специфику применительно к отдельным сферам правоотношений.

Следует отметить, что в современных научных работах гражданско-правовой, гражданско- и арбитражно-процессуальной направленности проблематика судебного контроля представлена фрагментарно, что, как видится, связано с превалированием частно-правовой составляющей, а также с законодательным обособлением административного судопроизводства, на которое теперь приходится основная масса обжалования действий и решений публично-правовых субъектов, включая образования, по правовой природе относимые к частно-правовым субъектам, но обеспечивающие реализацию отдельных публичных функций.

Так, к примеру, в результате обозначенной процессуальной дифференциации в настоящее время ненормативные правовые акты не подлежат обжалованию в рамках гражданского процесса, а оспариваются в рамках административного или арбитражного процесса при условии, что «соответствующие дела возникают из административных или иных публичных правоотношений и связаны с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий» (ч. 1 ст. 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 17 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

производства Российской Федерации и ст. 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) [16]. Однако иные правовые акты, предметно соотносимые с рассматриваемой категорией юрисдикционных правоотношений, сохраняют свои позиции объектов судебного контроля в цивилистических процессах и процедурах.

Гражданскому и арбитражному процессу присущ и другой достаточно традиционный объект судебного контроля – действия. Как отмечает В.Р. Беспалова, «рассмотрение и разрешение судебных дел невозможно без осуществления судом контрольной деятельности. Тем не менее имеющиеся доктринальные разработки в данной области в основном связаны с рассмотрением судебного контроля как отдельного института установления законности государственных или иных публичных полномочий» [8, с. 41-44]. Развивая данный тезис, автор делает вывод, что распорядительные действия должны быть обязательно санкционированы судом, хотя их реализация и обусловлена действием принципа диспозитивности в судопроизводстве. В контексте же рассматриваемого вопроса можно выделить следующее обобщение, основанное на анализе ч. 2 ст. 39 Гражданского процессуального кодекса [4] и ч. 5 ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [3]: «суд проверяет распорядительные действия на предмет противоречия закону или нарушения прав и законных интересов других лиц» [8, с. 41-44]. Таким образом, автор достаточно конкретно определяет распорядительные действия как объект судебного контроля, а в части предмета последнего – соотношение их фактического и юридического содержания.

Между тем, учеными-цивилистами в контексте судебного контроля рассматриваются и иные «элементы» гражданского и арбитражного судопроизводства. Так, К.Г. Яминов указывает, что именно под контролем суда и в рамках судебных процедур осуществляется заключение мировых соглашений. Причем автор соотносит правовую природу последних с гражданско-правовым договором [29, с. 34-37]. Соответственно, родовым понятием здесь можно признать соглашение – как объект судебного контроля.

Однако следует отметить, что в более ранних исследованиях в качестве потенциальных объектов судебного контроля называются не соглашения (договоры), а их условия, регламентирующие порядок рассмотрения споров в цивилистическом процессе [12]. Наличествует аналогичная позиция и в отношении тех же мировых соглашений, применяемых в арбитражном процессе: «... объектом судебного контроля в данной сфере является содержание мирового соглашения, включающее его функции, предмет и условия» [22, с. 17-24]. Это подтверждает отсутствие единообразной категоризации и в вопросе «объект – предмет» судебного контроля.

В свою очередь применительно к административному судопроизводству авторы проявляют более выраженный единообразный подход и, ссылаясь на ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [5], относят к объектам судебного контроля совершенные в порядке реализации публичных полномочий действия (бездействие), решения, нормативные правовые акты, акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, иные ненормативные правовые акты и пр., при этом конкретизируя перечень субъектов, от которых «исходят» последние: органы государственной власти или местного самоуправления; иные государственные органы, наделенные публичными полномо-

чиями; организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями; должностные лица, государственные или муниципальные служащие [25].

При этом в исследованиях административно-правовой направленности наиболее полно раскрываются объекты судебного контроля в рамках производства по делам об административных правонарушениях, а также имеют место обоснованные предложения по расширению видового перечня первых. Например, С.Б. Трухачев на основе анализа ст. 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6] непосредственно относит к объектам судебного контроля постановления по делам об административных правонарушениях (в форме возбуждения производства по делу, прекращения производства по делу, а также для акта о назначении административного наказания) и определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. Однако на основе сопряжения с практикой судебно-контрольной деятельности в арбитражном процессе аргументирует необходимость отнесения также к объектам судебного контроля: постановлений (при разрешении дела об административном правонарушении по существу) и определений (при применении административно-юрисдикционных мер). При этом автор констатирует, что реализация предложенных нововведений «позволит четко законодательно определить круг административно-юрисдикционных актов, являющихся объектами судебного контроля» [23, с. 45-48]. Соответственно, применительно к данному виду судопроизводства можно оперировать таким видом объектов судебного контроля, как административный акт.

Подтверждают и расширяют указанный вывод результаты исследования Ю.В. Степаненко, посвященного теории и практике административно-правового регулирования правоохранительной деятельности. Так, автор отмечает, опираясь на соответствующее постановление Пленума Верховного Суда России, что, «выявляя неправомерность акта управления, судам необходимо в первоочередном порядке проверить процедуру принятия акта, и только при соблюдении данного порядка рассматривать вопрос содержания оспариваемого акта управления» [18, с. 98-113]. По нашему мнению, здесь описывается предмет судебной проверки такого акта. При этом ученым подчеркивается, что «объектом судебного контроля ... могут быть не только нормативные административные акты, которые были зарегистрированы в установленном порядке, но и те акты, которые не были зарегистрированы» [18, с. 98-113]. Таким образом, перечень исследуемых объектов может включать административные акты, как имеющие юридическую силу, так и не имеющие – ввиду отсутствия государственной регистрации.

Завершая рассмотрение доктринальных позиций относительно различных (конституционно опосредованных) видов судопроизводства и сопряженных с ними процедур, задействующих реализацию судебного контроля, обратимся к сфере уголовного процесса. Здесь, в первую очередь, следует отдать должное исследователям, рассматривающим вопросы судебного контроля в контексте уголовно-процессуальной проблематики, особенно, за разработку такой интегративной категории, как «судебно-контрольное производство», которая претендует на характер универсальной (применительно к данной работе – с целью рассмотрения судебного контроля как института) и задействована нами для обозначения комплекса алгоритмических правоотношений, в рамках которых такой контроль осуществляется. В дан-

ном ключе можно особо выделить научные работы С.В. Бурмагина [9, с. 97-105; 10, с. 44-62; 11, с. 885-896].

При этом в части рассматриваемого аспекта определения сущности и содержания объекта судебного контроля обращает на себя внимание использование предметного подхода: автор, выделяя особенности состязательного построения судебно-контрольных производств и их отличия от традиционного порядка рассмотрения уголовных дел, в качестве первых указывает в том числе специфический предмет рассмотрения – «обращение заинтересованного субъекта по поводу законности и обоснованности ограничения индивидуальных прав и свобод», а также аутентичный предмет судебной проверки – «действия и решения органов уголовного преследования» [10, с. 44-62]. По нашему мнению, последний тезис по формально-юридическим признакам все же относим к категории объекта судебного контроля.

Более обоснованной представляется точка зрения О.Н. Шекшуевой, которая в аспекте соотношения процедуры доказывания по уголовному делу и сопряженного судебно-контрольного производства делает следующий вывод: «... предметом уголовно-процессуального познания в судебно-контрольном производстве является факт объективной действительности, изложенный в процессуальном решении, ходатайстве, жалобе, и законность и обоснованность заявленного требования» [28, с. 9-14]. Таким образом, автор разграничивает объектные формальные признаки и предметные – содержательные, оценочные.

Однако не все исследователи в рассматриваемой области юридической науки четко разграничивают объект и предмет судебного контроля. Так, А.А. Черушаева в своей статье, посвященной предмету судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения следователя, дознавателя и прокурора, сначала ставит вопрос о признании ходатайства следователя перед руководителем следственного органа о продлении срока следствия предметом судебного контроля. В процессе анализа доктринальных позиций поддерживает точку зрения о том, что «жалоба на постановление о продлении срока предварительного расследования по делу может быть подана только на уже состоявшееся процессуальное решение, которое в этом случае выступает и в качестве объекта обжалования, и в качестве предмета судебно-контрольной проверки по поводу его законности, обоснованности» [27, с. 59-62]. А в завершении исследования адресует задачу определения предмета судебного контроля по указанным жалобам Верховному Суду Российской Федерации [27, с. 59-62]. То есть автор, по сути, рассматривает здесь категории «объекта и предмета» как синонимичные, с чем нам сложно согласиться.

Обобщая, применительно к досудебным и судебным стадиям уголовного процесса можно выделить такие объекты судебного контроля, как действия (бездействие), решения и процессуальные акты, принимаемые уполномоченными субъектами уголовно-процессуального права. Но при этом следует констатировать, что различие между объектом и предметом судебного контроля исследователи уголовно-процессуальной проблематики проводят далеко не всегда. По нашему мнению, в целях институционализации судебного контроля решение этого вопроса является принципиальным.

Подытоживая оценку результатов комплексного анализа доктринального материала по вопросу определения сущности и содержания объектов судебного контроля, видится обоснованной констатация следующего: по юридической форме и

содержанию указанные объекты отличаются многообразием, причем для отдельных видов судопроизводства, а также досудебных и постсудебных стадий (процесса) и производств характерно наличие их специфических видов; в научной литературе используются разнообразные подходы к определению видов и содержания объектов судебного контроля, причем не всегда проводится разграничение между объектом и предметом такого контроля. По нашему мнению, отсутствие унифицированного подхода к законодательному закреплению объектов судебного контроля, а также к четкому разграничению объекта и предмета в доктрине и практике негативно влияет на процесс судебного правоприменения и фактическую реализацию судебного контроля производств.

Между тем, результаты проведенного анализа демонстрируют также невозможность формулировки точного определения понятия «объект судебного контроля», как и придания ему официально закрепленного статуса. Подтверждением данному выводу служит, в частности, непрекращающийся процесс количественного и качественного расширения видового многообразия рассматриваемых объектов, чему в немалой степени способствуют изыскания в различных областях юридической науки.

С учетом изложенного, в целях заявленной институционализации судебного контроля считаем обоснованным определять объекты судебного контроля в формально-юридическом ключе – посредством унифицированного перечня их видов, которому предлагается сохранить открытый характер. С указанных позиций к объектам судебного контроля нами отнесены юридически оформленные действия (бездействие), компетенционное решение, судебное решение, соглашение (договор), вопрос, выносимый на референдум, а также нормативный правовой акт или его проект, ненормативный акт, в том числе содержащий разъяснения законодательства и обладающий нормативными свойствами.

При этом определять относимость того или иного элемента из предложенного перечня к категории именно объекта судебного контроля предлагается посредством использования комплекса содержательных критериев. Таким образом, перспективный объект судебного контроля должен иметь следующие критерии относимости:

- прямо или опосредованно ограничивает права и свободы личности, либо создает угрозу их нарушения, либо незаконно возлагает юридические обязанности, либо нивелирует возможность использования носителем прав и свобод нормативно закрепленных гарантий правореализации, либо создает иные препятствия к осуществлению прав, свобод или реализации законных интересов;
- непосредственно связан или является следствием осуществления полномочий органов публичной власти, их подведомственных органов и (или) должностных лиц, иных образований, реализующих публичные функции, их должностных лиц, а также субъектов, имеющих официальный процессуальный статус;
- предполагает проверку и оценку именно в судебном порядке – судом (судьей) – ввиду отсутствия закрепленных в законе альтернативных процедур (субъектов контроля);
- является предметом правоотношения, участники которого имеют публично-правовой, но не равный статус;

– относится к юридическим фактам, в связи с которым возникает условно-спорное правоотношение, инициируемое обязанным или управомоченным в силу нормы закона субъектом (перспективного) судебно-контрольного производства.

В свою очередь под предметом судебного контроля предлагается понимать его содержание, условия и порядок принятия, публично-правовые свойства – конституционность, законность, обоснованность, целесообразность – дифференцированно, в зависимости от вида судебного контроля.

Уточним, что предложенный критериальный подход к выявлению и оценке объекта судебного контроля в большей степени актуален для судов общей юрисдикции и арбитражных судов, так как особый статус Конституционного Суда России – как судебного органа конституционного контроля – не предполагает «конкуренции» между функциями правосудия и, собственно, судебного контроля, акцентируя внимание именно на последнем, что подтверждается системной конституционно-правовой регламентацией перечня конкретных объектов такого контроля. Законодательство, регулирующее статус и порядок деятельности иных судов таким единообразием не отличается, что создает определенные сложности для субъектов контроля – в части определения объекта контрольной проверки и выбора соответствующей судебно-контрольной процедуры.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021 г.) // Российская газета. 1994, 23 июля.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022 г.) // Российская газета. 2002, 27 июля.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022 г.) // Российская газета. 2015, 11 марта.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022 г.) // Российская газета. 2001, 31 декабря.
7. Балаян Э.Ю., Сычев С.С. Исполнение решений Конституционного Суда РФ по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 31-33.
8. Беспалова В.Р. Судебный контроль за реализацией распорядительных прав // Российский судья. 2022. № 8. С. 41-44.
9. Бурмагин С.В. Итоговые и промежуточные судебные решения в контексте единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 97-105.
10. Бурмагин С.В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля // Lex russica. 2020. № 2. С. 44–62.
11. Бурмагин С.В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 885-896.
12. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. 453 с.
13. Кокотов А.Н. Предварительный контроль правовых актов Конституционным Судом России // Закон. 2020. № 12. С. 29-39.
14. Несмеянова С.Э. Международные договоры как объект конституционного судебного контроля // Российский юридический журнал. 2015. № 3. С. 137-144.
15. Саликов М.С. Международные договоры РФ как объекты конституционного судебного контроля // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 21-26.

16. Смоляков П.Н. Оспаривание ненормативных правовых актов // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 12.09.2022.
17. Стародубцева И.А. Новые полномочия Конституционного Суда РФ в сфере предварительного конституционного контроля: анализ поправок к Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 18-20.
18. Степаненко Ю.В. Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика // Современный юрист. 2014. № 4. С. 98-13.
19. Тарибо Е.В. Проблемы эволюционного развития российской модели судебного конституционного нормоконтроля: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. 522 с.
20. Татаринов С.А. К вопросу о принципах осуществления конституционного судопроизводства в Конституционном Суде Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 57-61.
21. Татаринов С.А. О конституционных новеллах регулирования статуса Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 1. С. 39-44.
22. Тотьев К.Ю. Судебный контроль за содержанием мирового соглашения с участием антимонопольного органа // Конкуреннтное право. 2015. № 2. С. 17-24.
23. Трухачев С.Б. Некоторые правовые аспекты контрольных полномочий судов общей юрисдикции в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 45-48.
24. Умарова М.А. Механизм судебного контроля: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. 204 с.
25. Участие адвоката в гражданском процессе / А.А. Малов, Ю.Д. Подольский, Е.Р. Русинова и др.; под ред. Н.А. Чудиновской. Москва: Статут, 2020. 173 с.
26. Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. 330 с.
27. Черушева А.А. Предмет судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения следователя, дознавателя и прокурора // Законность. 2019. № 8. С. 59-62.
28. Шекшуева О.Н. Судебно-контрольная деятельность и доказывание в досудебном производстве // Российский судья. 2022. № 7. С. 9-14.
29. Яминов К.Г. Мировое соглашение как средство защиты // Мировой судья. 2022. № 7. С. 34-37.

Andrey P. Peterburgsky. The object of judicial control: a doctrinal approach // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – P. 226–235.

The problems of conceptual understanding of the objects of judicial control have not been adequately developed either in legal doctrine or in legal practice. This element is traditionally regulated and covered in an industry context, in relation to certain types of legal proceedings or areas of implementation of the justice function. Focusing attention in the framework of this study on the institutional interpretation of the latter, it is clarified that judicial control, meanwhile, is implemented not only within the framework of legal proceedings of a certain orientation (branches of law and process), but also in pre-trial stages, and post-trial processes and procedures. From these positions, the paper attempts a doctrinal interpretation of the object of judicial control.

Keywords: judicial control, object, subject, Constitutional Court of the Russian Federation, courts, decision, law enforcement act, law.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonomi RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ; s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g.) // Rossijskaya gazeta. 1993, 25 dekabrya; 2020, 4 iyulya.
2. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» (red. ot 01.07.2021 g.) // Rossijskaya gazeta. 1994, 23 iyulya.
3. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ (red. ot 07.10.2022 g.) // Rossijskaya gazeta. 2002, 27 iyulya.
4. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ (red. ot 07.10.2022 g.) // SZ RF. 2002. № 46. St. 4532.
5. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08 marta 2015 g. № 21-FZ (red. ot 11.06.2022 g.) // Rossijskaya gazeta. 2015, 11 marta.
6. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (red. ot 04.11.2022 g.) // Rossijskaya gazeta. 2001, 31 dekabrya.
7. Balayan E.YU., Sychev S.S. Ispolnenie reshenij Konstitucionnogo Suda RF po zhalobam na narusheniya konstitucionnyh prav i svobod grazhdan // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 10. S. 31-33.
8. Bespalova V.R. Sudebnyj kontrol' za realizaciej rasporyaditel'nyh prav // Rossijskij sud'ya. 2022. № 8. S. 41-44.
9. Burmagin S.V. Itogovyie i promezhutochnye sudebnye resheniya v kontekste edinstva i differenciacii sudebnyh proizvodstv v ugolovnom processe // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 9. S. 97-105.

10. Burmagin S.V. Metamorfozy sostyazatel'nosti ugovolnyh proizvodstv po delam sudebnogo kontrolya // Lex russica. 2020. № 2. S. 44–62.
11. Burmagin S.V. Razdelenie obvinitel'noj i sudebnoj vlastej v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii: ot sudebnoj reformy 1864 g. do nashih dnei // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 5. S. 885–896.
12. Karapetov A.G., Savel'ev A.I. Svoboda dogovora i ee predely: v 2 t. M.: Statut, 2012. T. 2: Predely svobody opredeleniya uslovij dogovora v zarubezhnom i rossijskom prave. 453 s.
13. Kokotov A.N. Predvaritel'nyj kontrol' pravovyh aktov Konstitucionnym Sudom Rossii // Zakon. 2020. № 12. S. 29–39.
14. Nesmeyanova S.E. Mezhdunarodnye dogovory kak ob'ekt konstitucionnogo sudebnogo kontrolya // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2015. № 3. S. 137–144.
15. Salikov M.S. Mezhdunarodnye dogovory RF kak ob'ekty konstitucionnogo sudebnogo kontrolya // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2014. № 6. S. 21–26.
16. Smolyakov P.N. Osparivanie nenormativnyh pravovyh aktov // Podgotovlen dlya sistemy Konsultant-Plyus, 12.09.2022.
17. Starodubceva I.A. Novye polnomochiya Konstitucionnogo Suda RF v sfere predvaritel'nogo konstitucionnogo kontrolya: analiz popravok k Konstitucii Rossijskoj Federacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 2. S. 18–20.
18. Stepanenko YU.V. Administrativno-pravovoe regulirovanie pravoohranitel'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika // Sovremennyy jurist. 2014. № 4. S. 98–13.
19. Taribo E.V. Problemy evolyucionnogo razvitiya rossijskoj modeli sudebnogo konstitucionnogo normo-kontrolya: dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2019. 522 s.
20. Tatarinov S.A. K voprosu o principah osushchestvleniya konstitucionnogo sudoproizvodstva v Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2014. № 3. S. 57–61.
21. Tatarinov S.A. O konstitucionnyh novellah regulirovaniya statusa Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2021. № 1. S. 39–44.
22. Tot'ev K.YU. Sudebnyj kontrol' za sodержaniem mirovogo soglasheniya s uchastiem antimonopol'nogo organa // Konkurentnoe pravo. 2015. № 2. S. 17–24.
23. Truhachev S.B. Nekotorye pravovye aspekty kontrol'nyh polnomochij sudov obshchej yurisdikcii v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Administrativnoe pravo i process. 2017. № 8. S. 45–48.
24. Umarova M.A. Mekhanizm sudebnogo kontrolya: obshcheteoreticheskoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk. Kursk, 2018. 204 s.
25. Uchastie advokata v civilisticheskom processe / A.A. Malov, YU.D. Podol'skij, E.R. Rusinova i dr.; pod red. N.A. CHudinovskoj. Moskva: Statut, 2020. 173 s.
26. Cechoev V.K., SHvanderova A.R. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Prometej, 2017. 330 s.
27. CHerusheva A.A. Predmet sudebnogo kontrolya pri rassmotrenii zhalob na dejstviya (bezdeystvie) i processual'nye resheniya sledovatelya, doznatelya i prokurora // Zakonnost'. 2019. № 8. S. 59–62.
28. SHekhshueva O.N. Sudebno-kontrol'naya deyatel'nost' i dokazyvanie v dosudebnom proizvodstve // Rossijskij sud'ya. 2022. № 7. S. 9–14.
29. Yaminov K.G. Mirovoe soglashenie kak sredstvo zashchity // Mirovoj sud'ya. 2022. № 7. S. 34–37.